Могучая небесная таверна была надёжно пристыкована швартовочными канатами к огромной причальной клети, крупнейшей из двух дюжин, что были закреплены на возвышающихся железных башнях здесь, на краю Великой Равнины. Вокруг гигантского корабля — у корпуса, носа, кормы, а также у верхних и нижних палуб сновало несметное количество фраксобарж и фраксолётов, подобно гоблинам-сиропщикам, стремящимся к толстухе-сладкоежке.

Над крутым носом небесной таверны разгружалась группа парящих на одном месте фраксобарж. Длинные линии гоблинов ,от жилистых клыкастых до неуклюжих больших, бочко-грудых , передавали из рук в руки продовольствие от трюмов других фраксобарж , чтобы работа шла эффективнее. Там были бочки с живичным вином и лесным грогом; ящики с узлокапустой, мерцающим луком и земляными яблоками; коробки с сухофруктами, солёным мясом, маринованными корнями и специями — каждый товар был аккуратно маркирован в соответствии с содержанием; бедра тильдера, озёрные мидии и длинные ряды перевязанных лесных петухов и индеек...

Всего этого было достаточно для долгого плавания в скором времени как для Большого Салона, где обедали богатые и власть имущие, так и для отстойников и подвесных камбузов. Останется даже для торговли в пути, чем "Ксант Филатайн" будет заниматься во время своего путешествия, останавливаясь на изолированных от торговых путей швартовочных постах и добывающих поселениях, которые лежат между крупными городами — Риверрайзом и Ульем.

Перелёт на полных парах из Великой Равнины в Улей займёт три недели — и это с попутным ветром и отсутствием штормов, предугадать которые просто невозможно. Даже если погода окажется благоприятной, необходимо будет сделать ещё много остановок. Остановок на воздушных платформах, построенных высоко на деревьях, рынках в глубине лесов и у торговых поселений, из последних сил борющихся за жизнь, для которых небесная таверна играет жизненно важное значение. Товары промышленного производства, изготовленные на паровых заводах больших городов обменивались на сырьё Дремучих Лесов: горшки на мех, фраксомушкеты на плавучую древесину, а также тысячи других сделок.

Фраксобаржа, расположившаяся на некотором расстоянии от корпуса таверны, была завалена связками искусно сотканных одеял из ежеобразьей шерсти, которые компания крепких серых гоблинов голыми руками цепляла крюками на длинных рукоятках, взваливала на плечи и транспортировала их в трюм небесной таверны. Неподалёку, группа лопоухих разгружала вторую баржу, что была нагружена ящиками с кастрюлями и сковородками, которые беспрестанно звенели, поскольку их переставляли с места на место. Третья фраксобаржа тяготилась под весом рулонов шёлка и вышитой тафты, четвёртая несла в своих трюмах шкатулки для фраксомушкетов, в то время как другая опасно покачивалась, ибо на ней четыре сгорбившихся гоблина-сиропщика боролись с большим застеклённым ящиком под зорким взглядом высокого четверлинга в чёрном плаще и побитой конической шляпе.

— Осторожно, осторожно, — предупреждал он их, размахивая позолоченным посохом. — Одно неловкое движение и шесть месяцев работы будут напрасны.

— Что это такое? — потребовал объяснений трюмный маршал, официозного вида лопоухий в коротком атласном жакете и соответствующих бриджах, завидев гоблинов-сиропщиков и их ношу. Он настойчиво постучал своим свинцовым жезлом по счётной бирке в своей руке. Гоблины остановились, и трюмный маршал всмотрелся вниз, в бледные желеобразные объекты, уложенные рядами под стеклянной панелью.

— Яйца зубоскалов, — выпалил гордо четвертьлинг. — Оплодотворены и скоро начнут вылупляться.

— Домашний скот, — пробормотал трюмный маршал. Он сделал себе пометку и указал куда-то влево.

— Домашний скот? — повторил четвертьлинг. — Я надеялся держать их в своей каюте…

Трюмный маршал, будто не видя его, спокойно проговорил:

— Домашний скот идёт в трюме. — Он вновь обратил внимание на четвертьлинга. — Направляетесь в…?

— Улей, — ответил тот и потёр большой и указательный пальцы. — И кстати влетит в копеечку. Это чистокровные серые из лучшего стойла Великой Равнины. Так что я был бы признателен, если…

Его голос был заглушен лаем и воем, и, оглядевшись, они увидели огромный контейнер, который пронёсся мимо, свисая на верёвках с огромного крюка могучего крана. Контейнер был разделён на шестнадцать секций, каждая из которых являлась временным домом для зубоскала. Оранжевые, коричневые, чёрные, пёстрые и полосатые, пегие — глаза существ были широко открыты от страха и беспокойства.

— Теперь они то, что я называю зубоскалами, — пробурчал трюмный маршал, обратив своё внимание к отметке возле их номера в счётной бирке. — И направляются на фраксошахты в Восточных Пущах, держу пари.

— Не стоят и части этих насиженных яиц, — фыркнул четвертьлинг, махнув презрительно рукой в сторону контейнера, который уже был на палубе в окружении глыботрогов, развязывающих верёвки.

— Вполне, вполне, — отметил трюмный маршал, — но если вы хотите держать домашний скот в своей каюте, то это означает, что правила нужно обойти… — Он протянул руку. — А обход правил стоит недёшево.

Четвертьлинг вздохнул и полез в карман. Вытянув кошелёк, он открыл его и посмотрел на содержимое. — Четыре золотых? — предложил он.

Трюмный маршал улыбнулся:

— Пять.

В то время как фраксобаржи на носу небесной таверны выгружали содержимое своих трюмов и обсуждали условия, пространство у кормы заполнили фраксолёты, ожидая момента для спуска пассажиров. Одни суда были изящными узкодонными, с тёмными лакированными деревянными каютами и медными украшениями; другие были гладкими лодками из светлого дерева с полосатыми тентами, в то время как третьи являлись более крупными судами — с недоструганной древесиной и стоячими местами, — качество фраксолётов напрямую отражало социальный статус их пассажиров и то, из какого района Великой Равнины они родом.

Богатый торговец и его жена вышли из остроносого судна, за ними с их же багажом следовала свита одетых в бархат гоблинов, и были сопровождены в величественные апартаменты в верхней части кормы. Много шагов дальше, полдюжины серых гоблинов — рабочих свайных заводов в грубых домотканных мешковинах — шумно торговались с билетным стюардом. А необъятное семейство лесных троллей — у каждого, от мала до велика было оружие — находились под надзором у пары плоскоголовых палубных охранников. У одного из них рука

находилась на рукоятке фраксомушкета, висящего на поясе.

— И я говорю, что это оружие, — сетовал он, следя за топорами на поясах лесных троллей.

— Инструменты для торговли, — возразил глава семейства, коренастый, среднего возраста тролль с плетёными бакенбардами. — Все мужчины тролли носят топор. Это часть наших лесных традиций.

— Ничего не знаю, — отрезал скучным тоном плоскоголов. — Но если вы хотите путешествовать на "Ксанте Филатайне", то вам придётся отдать своё оружие.

— Это не оружие, говорю же. Это...

— О, ради любви к Земле и Небу! — раздался властный голос сзади. Лесные тролли повернулись и увидели двух академиков в тёмных мантиях, которые взирали на них сверху-вниз.

Парочка молча слушала эту перебранку достаточно долгое время. Клаксон уже звучал дважды. Если он прозвенит в третий раз, а их не будет на борту, ворота закроют, и они не смогут отправиться в путешествие. Ни одного из них не прельщала идея вернуться в академию и столкнуться с гневом Куова Лентиса, Верховного Профессора Полётов, — ни сейчас, ни потом после того, что они сделали.

— Дай ему свой топор, — потребовал тот, который был повыше. — Или освободи дорогу для тех, кто действительно хочет путешествовать.

— Это фраксосудно, — съехидничал низкорослый, толстый академик, его ноздри горели. — Хоть сейчас другие времена, вам понадобится нарубить растопку!

— Клапаны вот-вот будут полностью заполнены паром! — раздался сверху громкий голос инженера, в то время как фраксоклеть скрипела и шипела. — Отправление неизбежно!

Ворча от раздражения, лесной тролль поместил топор в протянутую руку плоскоголового охранника. Другой тролль сделал то же самое. Два академика мигом оказались тут как тут.

— Два средних места до Улья, — пропели они хором и выудили из своих мантий плату за проезд.

Когда стюард наконец позволил им взойти на борт, за ними эхом разнёсся хриплый клёкот. Академики обернулись и увидели как из иллюминатора появился белый ворон и взмыл в небо. Они переглянулись с выражением тревоги.

— Птица Верховного Профессора!

— Тогда, получается, Верховный Профессор знает, что мы на борту, — был ответ. — У него везде шпионы. Теперь нам опасно оставаться в каютах. Мы должны найти какое-нибудь другое место, чтобы там скрыться...

А птица тем временем летела всё выше и выше, её крылья на фоне яркого солнца блестели, словно серебряные клинки. Она поднялась выше шумных и суетливых Неборезов с их подъёмными кранами и причалами, где расположились клети и фраксосуда всех форм и размеров. Она летела, описывая широкую северо-восточную дугу, мимо Нового Озера и Старого Леса, кукурузных и ячменных полей Серебряных Пастбищ, легонько колебавшихся на

ветру, словно вода. Далеко впереди, свайные заводы и паровые фабрики Восточной Равнины окрашивали горизонт вздымающимися облаками пара белого, жёлтого и серого цвета в соответствующие оттенки. Затем, покружив в небе над богатыми особняками и береговыми поместьями Амбристауна с правой стороны, белый ворон Краакан направился прямо в район Вольная Пустошь. Он устремился вниз, к башенке Озёрной Академии и минаретам академий в Облачном Квартале, который замаячил вдалеке, и вновь взлетел в небо, и набрал скорость.

Краакан знал на собственном горьком опыте, что настроение господина напрямую зависит от скорости, с которой он выполнит задание. Если повезёт, и сообщение до нижних палуб он доставит быстро, ему достанется не только похвала, но и крысиные ошмётки.

Белый ворон летел высоко над пригородами района Вольная Пустошь, когда отдалённый гудок фраксоклаксона прокатился эхом по небу.

Один, два, три раза.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/2367/45239